

Линь Фан растерялся и встал как вкопанный; когда же он пришёл в себя, мужчина сразу шагнул от девушки настолько широко, насколько это было возможно, — он даже зашатался и чуть не упал, — но было поздно.

Жожо вдруг сама, с криком, намеренно свалилась на бетонную землю. Её голос пронёсся по всем подворотням, проследовала секунда тишины, и в них зазвучало копошение. В бетонных туннелях начали собираться люди, — посмотреть, что же тут творится. С металлическим лязгом отворилась дверь для персонала, и несколько внушительного вида вышибал вышли из борделя, и за ними полный мужчина в белом костюме на фиолетовую рубашку. С мягким белым лицом и волосами ёжиком.

Узкие глазки мужчины немедленно выцепили девушку на земле. Они переглянулись, и Жожо, после мимолётной растерянности, ему кивнула. На лице мужчины мелькнула улыбка, и в ту же секунду, как меняется лицо актёра, также быстро она сменилась яростным оскалом, когда он перевёл взгляд на Линь Фана. Толстяк рывкнул на него:

— Ты что творишь, пьянчуга поганый?!

Линь Фан ничего не ответил. Он уже поглядывал в переулок, как вдруг его целиком закупорила толпа. Люди слышали крики девушки, но помогать сперва спешили немногие; а потом они слышали рёв полного мужчины и поняли, что помогать было не нужно, и что их ожидает представление. Сразу же пришло несколько десятков человек, затем подтянулись остальные, и вскоре в узком дворике стало совсем не протолкнуться.

Линь Фан цокнул языком.

Меж тем двое мужчин в чёрных деловых костюмах поставили Жожо на ноги. Она взглянула на Линь Фана, вздрогнула и прижалась головой в грудь одного из вышибал.

В толпе поднялся шум.

— Бомж проклятый, денег нет так решил за так взять? Тьфу!

— Руки прочь от неё!

Люди негодовали; Линь Фан выдохнул, заставил себя успокоиться и обратился к ним, — спокойным, громким голосом:

— Это всё ошибка, я... Я пойду... — он повернулся и было пошёл в сторону другой подворотни, но и там уже сгушалось столпотворение. Мужчина огляделся, не обнаружил нигде выхода и замер.

— Стоять, стоять... У нас может быть и бордель, но если ты думаешь, что каждому ублюдку можно обижать моих девочек, то ты явно уже давно себе мозг пробухал, дрянь эдакая, — проговорил полный мужчина и вышел вперёд, показывая на Линь Фана своим жирным, как варёная сарделька, пальцем.

— Я... — Линь Фан огляделся. Теперь уже было очевидно, что он попался на обман. Его хотели развести. Но мужчине не нужны были проблемы, да и деньги тоже особо не нужны. Обманули старика? Молодцы, теперь отстаньте... Поэтому он сперва пытался замять это дело. Но теперь уже было очевидно, что так просто ему уйти не позволят. Вариантов что теперь делать было не много, мужчина немного помялся и решил идти напролом. Он повернулся к толпе и заговорил:

— Она врёт, я дал ей денег, она просила для отца... Это была ложь, я к ней не первый раз хожу, она мне сама назначила встречу здесь...

— Не первый раз ходит, постоянный клиент у нас значит, — усмехнулся толстый мужчина и мощно хлопнул в свои мясистые ладони, а затем стал цокать языком:

— Говорил я, гиблое дело заводить постоянных клиентов, опасное. Всегда найдётся дубина, который по уши втюритя и попытается прибрать девочку только себе. Но так нельзя; они здесь у нас общие.

Мужчина явно искал одобрения у толпы, и он его нашёл — после его слов последовали пьяные смешки и недовольные восклицания. Линь Фан дождался, пока накал народного недовольства спадёт, а потом поднял, как только мог не переходя на крик, свой голос:

— У меня есть доказательство. Я дал ей денег, только что, проверьте в её сумке, — откуда у неё столько? Они — мои.

Линь Фан звучал уверенно и вполне трезво, — в толпе даже поднялся растерянный ропот.

Полный мужчина в белом костюме немного опешил, но только на одну секунду. Потом глазки его вспыхнули хитрым блеском, и он сказал, улыбаясь:

— Ну ладно, давай проверим что ты сам себе придумал. Эй, — крикнул он своему вышибале, — проверь, что в сумке?

Вышибала в чёрном немедленно залез в сумочку девушки, которая всё ещё вжималась ему в грудь. Жожо вздрогнула, но так, слабенько, и не пошевелилась. Линь Фан же напрягся. Толстый мужчина, — по всей видимости хозяин заведения и зачинщик всей этой коварной схемы, — явно что-то задумал, — но что? Просто на всякий случай мужчина стал следить за движениями телохранителя, если тот попытается спрятать деньги. Случая этого, однако, не вышло, и бугай действительно вытянул несколько сверкающих купюр.

Самая большая купюра в обращении была в тысячу духовных кредитов. Их настолько густо посыпали пылью растёртых духовных кристаллов, что они заметно сияли даже при свете дня, что и говорить о ночном тёмном двореке. Сияющая стопка немедленно привлекла всё внимание толпы, люди притихли. Дело вдруг стало совсем нетаким однозначным, каким казалось оно изначально. Но Линь Фан не спешил считать себя триумфатором. Что-то здесь было не так, понимал мужчина по довольной и жадной улыбке владельца борделя, что-то явно было не так, но что...

— Слушай, — вдруг заговорил толстяк, с трудом отлепляя собственный взгляд от денег:

— А ты кем работаешь? У тебя есть вообще работа? Или ты бомж? — обратился он к Линь Фану. Тот нахмурился, а потом слегка приоткрыл губы. Ему вдруг сделалось ясно, что на самом деле задумал толстяк. Тот говорил, сдерживая смех в каждом слове:

— Просто одет ты как будто с помойки, и запах такой — фу! Что-то я сомневаюсь, что ты мог наскрести столько денег... А вот Я мог дать ей столько бабла. У девочки вообще-то папаша больной, вот я подкинул ей на лечение. Мы же тут это, как одна большая семейка, я о своих работницах забочусь...

И тут уже Линь Фан ничего не мог ответить. Сколько бы он ни пытался убеждать теперь людей, что всё это ложь, что нет у шлюхи никакого отца, ни больного, ни в долгах, и что мужчина в её

кулоне — фальшивка, хитрая наживка для людей с излишне большим сердцем, — всё это уже было поздно. Кто-то швырнул в него бутылку, но промазал, и она разбилась о стену. Зазвенели осколки, и пара капель брызнула мужчине на спину.

— Проучите его, но не убивайте, — сказал владелец борделя и свёл свои полные руки на груди. На Линь Фана пошли вышибалы. Их было двое — один очень рослый, мускулистый, с короткими чёрными волосами и в чёрном костюме, который сидел на его выпуклых мышцах, как на горилле, и второй — немного тощий, очень высокий и с крашенной серебристой шевелюрой.

Линь Фан сразу определил их культивацию, — у второго её не было, не было её и у первого, но он, несмотря на это, вполне себе мог, как и тот мальчишка, Лян Чао, потягаться с воином на стадии Первого Касания. Только не благодаря эликсирам, а благодаря своей родословной.

Родословные бывали самые разные, но свойство у них было одно — они наделяли своих носителей определённой силой. Величина и природа этой силы зависела от ранга родословной. Самые слабые из них назывались Звериными, и они не давали никаких особенных преимуществ, кроме разве что дополнительной мышечной массы и остроты нюха. Для культиватора такая родословная была даже вредной, потому что вместе с ней в голову проникали животные инстинкты, которые туманили разум и мешали познанию великого Дао, но зато среди людей мирских она очень даже ценилась.

Пока Линь Фан всё это обдумывал своей замутнённой головой, ему в лицо уже вытянули мощный кулак. Да, именно вытянули кулак, назвать это ударом было немного глупо, — бугай если и старался, то без особого результата.

И снова Линь Фан едва не сжал свои пальцы, но в последний момент что-то заняло у него в груди, и они сами собой расслабились.

Вышибала врезал ему прямо в лицо. Линь Фана сбило с ног. Он свалился на землю и проехался аж до стены переулка. Его лицо пылало, а голова бешено кружилась, как будто её натянули на пружину, надавили на неё, а потом отпустили прыгать туда-сюда, туда-сюда... Мужчина попытался подняться, опираясь руками на стену, как вдруг вышибала снова завис перед ним, поднял руку и врезал Линь Фану в плечо. Потом по ребру. У мужчины перехватило дыхание, и тело его скрутило от боли. Удар за ударом опускались на его грудь, в живот, по ногам... Сперва мужчина ещё пытался заграждать руками, но затем перестал, позволяя избивать себя.

Скоро это должно закончиться, думал Линь Фан.

Скоро всё закончиться, — повторял он себе, пока его сознание стремительно ускользало...

Но вдруг ясный крик вырвал его из небытия:

— Мастер!? Стойте, хватит! — слипающиеся глаза Линь Фана немедленно раскрылись шире некуда, а его сердце, совершенно непоколебимое несмотря на избиение, бешено забилося в груди...